

УДК 339:332.14

Д.А. Попов,

д-р ист. наук,

*профессор кафедры экономики и управления на предприятиях торговли
торгово-технологического факультета
Хабаровского государственного университета экономики и права*

ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ТОРГОВЛИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

В статье рассматриваются вопросы зарождения и становления торговли на Дальнем Востоке через важнейшие государственные акты – Нерчинский (1689 г.), Кяхтинский (1727 г.), Айгунский (1858 г.) договоры о торговле между Россией и Китаем, отражающие историческую необходимость освоения и развития дальневосточных земель.

Ключевые слова: Нерчинск, Кяхта, Айгунь, Дальний Восток, Россия, Китай, торговля, сотрудничество.

The article discusses the emergence and development of trade in the Far East through the most important public acts. Nerchinsky (1689), Kyakhtinsky (1727), Aigunsky (1858) treaties on trade between Russia and China reflects the historical necessity for the development of the Far Eastern lands.

Keywords: Nerchinsk, Kyakhta, Aigun, Far East, Russia, China, trade, cooperation.

Торговля (внутренняя и внешняя) сыграла выдающуюся роль в обретении, становлении и развитии хозяйственной, социальной и духовной жизни в зауральских землях – сибирских и дальневосточных. Ещё задолго до того, когда в русском обществе обозначилась *Восточная идея* (вторая половина XV в.), новгородские торговые и ремесленные люди наведывались в XI–XII вв. в стылые зауральские северные земли. Но это были наведывания без оседлости и закрепленности, прежде всего за добычей пушнины, жира морского зверя, ценных пород рыбы.

Географические открытия второй половины XVII в., осуществленные П. Бекетовым, И. Москвитиним, С. Дежнёвым, Ф. Алексеевым, В. Поярковым, Е. Хабаровым, А.

Атласовым, М. Стадухуним, обозначали контур северо-восточной оконечности Евразийского континента и его южную часть, ограниченную амурской линией – рекой Амур. Это имело выдающееся геополитическое значение для России. В частности, было установлено, что якутское, тунгусское, чукотское, камчатское и амурское население не находится в чьем-либо подданстве и может быть призвано под руку великого государя России.

Русские первопроходцы застали здесь лишь первоначальные формы «природного» производства, когда «производство индивида ограничивается воспроизводством его собственного тела путём присвоения им готовых предметов приготовленных самой природой для потребления» [1]. Охота, рыбная ловля,

морской промысел, отгонное животноводство, примитивное земледелие и зачатки менового обмена составляли основы хозяйственной деятельности проживающего здесь населения.

Русские, имеющие более высокий уровень материальной и духовной культуры, предвнесли в хозяйственную и общественную жизнь аборигенного населения новые орудия труда, способы организации и ведения хозяйственной деятельности, понимание цивилизованного жизнеустройства, что явилось прогрессивным явлением. Прежде всего, колонисты первоначально внедрили меновые формы торговли, а затем и организованную торговую деятельность на основе денежных знаков.

Основной формой торговли выступала ярмарочная торговля. Так, уже в 1647 г. открылась первая ярмарка в Нижнеколымске, на которую собралось 396 промышленников и купцов. Поселение построено в нижнем течении реки Колымы, отстоит на 150–200 км от её устья, на побережье Восточно-Сибирского моря [2]. Как отмечает выдающийся историк Сибири П.А. Словцов, что в это время Сибирь кипела сбытом мягкой рухляди. Гости гостиных сотен сами или их приказчики приезжали в Сибирь по делам торговым. Везде были съезды для ярмарок: в Среднеколымске, Якутске, Иркутске, Нерчинске. Среднеколымская ярмарка давала казне в виде десятины 90 сороков соболей, а всего в обмене насчитывалось 32 000 соболей, то есть в казну из общей суммы шкурок шло 3 600 штук [3].

Торговля, как известно, требует большого разнообразия продовольственных и непродовольственных товаров, которое обеспечивается их производством на месте или же завозом из других регионов или импортом зарубежных товаров. Ввиду чрезвычайной рассредоточенности зарождающихся очагов жизнедеятельности на безлюдных территориях, производство потребительских товаров нужного ассортимента и в достаточных объёмах на Дальнем Востоке в период его начального обретения практически отсутствовало, а завоз в силу отдалённости от производящих центров России был затруднён или вообще невозможен. Добавим к этому абсолютную враждебность природной среды (холодные моря, тундра, гористость, болота, тайга, гнус, бескормица, болезни, стужа), крайнюю степень неприветливости, настороженности, конфликтности и агрессивности аборигенного населения, отсутствие у пришельцев и местных необходимого опыта организации производства хотя бы простейших изделий для обустройства жизни. Оставался практически единственный источник товароснабжения – импорт из близлежащих стран по наиболее выгодной логистике. Такой страной был Китай, с которым Россия находилась в абсолютно выгодном географическом пограничном соприкосновении. Поэтому российское правительство настоятельно искало возможность установления торговых отношений с Китаем.

Первое посольство в Китай было направлено в 1653 г. царем Алексеем Михайловичем во главе с Федором Исаковичем Байковым, с целью изучения возможности установления торговых отношений с Китаем. В 1674 г. из Енисейска 43 торговца во главе с Иваном Поршенниковым отправились с торгом в Китай, где свободно торговали 7 недель. В 1675 г. Китай с посольством посетил царский посланник Николай Спафарий – молдавский грек. Цель миссии состояла в изучении торговой выгоды. Переговоры в Пекине оказались безрезультатными из-за споров по Амуру, а больше «по неровности характера русского посланника, то уклончивого, то невнимательного к требованиям Церемонного Двора».

Хозяйственное, в том числе торговое, освоение территории за Байкалом, особенно в Приамурье, вызвало недовольство китайцев, которые решили вытеснить русских с Амура и Забайкалья военной силой и в 1680 г. прибегли к вооружённому вторжению в районе Албазино. В результате военных действий с переменным успехом стороны под жерлами пушек русских с суши и китайской флотилии с реки 27 августа 1689 г. под стенами Нерчинска подписали первый в истории двух соседствующих стран договор, регулирующий их взаимоотношения. Согласно договору среднее Приамурье было отторгнуто от России, город Албазин был разрушен, а населению был дан свободный выход со всем имуществом. Пункт 5 договора гласил: «Подданным обеих сторон позволять с проезжими грамотами

приезжать для продажи и покупки, по их надобности» [3, с. 178]. Русским купцам была открыта дорога на китайские рынки, а китайцы могли торговать на русских рынках. Нерчинская торговля регулировалась ранее принятыми и утверждёнными царём Алексеем Михайловичем законодательными актами – Соборным Уложением (1649), Таможенным Уставом (1653) и Новоторговым Уставом (1667).

В Нерчинске была учреждена таможня, через которую только был возможен ввоз и вывоз товаров. Разрешение на это выдавалось в Москве, что, безусловно, сковывало торговый обмен. Уже через три месяца после подписания Нерчинского трактата, в декабре 1689 г., в Китай проследовал первый караван с русскими товарами. В июне 1691 г. из Нерчинска направился второй караван, в ноябре – декабре 1692 г. вышел третий караван, в июне 1693 г. выехал четвёртый многолюдный караван, пятый двинулся в путь в мае 1695 г., шестой – в 1696 г., седьмой – в июле 1697 г. [4].

Караванная торговля – трудное, хлопотное, затратное и продолжительное дело. Маршрут в Китай пролегал так: Москва – Нижний Новгород – Ирбит – Тобольск – Томск – Енисейск – Илимск – Иркутск – Верхнеудинск – Селенгинск – Чита – Нерчинск – Пекин. Движение караванов туда и обратно по времени занимало не менее трёх лет. Основу русского экспорта составляла пушнина: соболя, белки, лисы, горностаи, рыси, песцы, зайцы, выдры, исчисляемые тысячами шкурок. Импорт из Китая

включал ткани (шёлковые, хлопчатобумажные), фарфоровую посуду, украшения (из жемчуга, камня, серебра, золота), чай, металлические изделия. Большой объём импортных товаров направлялся на рынки центральной России – в Москву и Нижний Новгород, остальная часть оседала и расходилась по сибирским рынкам.

Правительство, осмысливая доходность частной торговли с Китаем через Нерчинск, пришло к пониманию выгоды организации казённой торговли. С этой целью в Китай в 1692 г. был направлен Идес Избрант, нидерландский купец, торговавший в России с 1677 по 1687 г., затем принявший российское подданство. Сразу после его возвращения из Китая в 1695 г. правительство убедилось в выгоде торгового дела и для пополнения государственной казны стало готовить казённый торг с Китаем.

1. Снаряжение и отправка из Нерчинска в июле 1698 г. первого казённого каравана в Китай заложили основы систематической русской государственной торговли, что являлось существенным деянием и радением в развитии западной части Дальнего Востока по амурской линии. Государственная поддержка частной торговли и покровительство казённой создали основы частногосударственного партнёрства. Это партнёрство на практике состояло примерно в равных коммерческих долях в торговле с Китаем. Так, в 1698 г. казённые товары составляли 42 тыс. руб., а частные – 31,5 тыс. руб.; в 1699 г. казённые – 65 тыс. руб., частные –

52 тыс. руб.; в 1701 г. казённые – 76 тыс. руб., частные – 40 тыс. руб. [4, с. 225].

В начале XVIII в. торговый караванный путь стал постепенно смещаться западнее Нерчинска – к Селенгинску и Северной Монголии. Он был хотя и более трудным, но значительно короче Нерчинского. Караваны стали комплектоваться в Иркутске. Торговые обороты по Нерчинской линии резко сократились, а после подписания в 1727 г. Кяхтинского договора «О границе и торговле» между Россией и Китаем главным торговым путём становится «Чайный путь»: Пекин – Урга – Кяхта – Селенгинск – Верхнеудинск – Иркутск – Илимск – Енисейск – Томск – Тобольск – Тюмень – Ирбит – Нижний Новгород – Москва.

Кяхтинский договор 1727 г. и последующие его пролонгации установили количество душ в караване не более 200, сроки отправки караванов – один раз в три года, беспошлинный характер пограничной торговли для частных лиц. С 1693 г. по 1762 г. торговля с Китаем велась в форме казённых торговых караванов, монопольно продающих на китайском рынке пушнину и ремень. Частные лица, попавшие в состав каравана, могли продавать и свои товары, за исключением монопольных. В 1762 г. Екатерина II отменила казённые караваны и частные монополии и разрешила полную свободу торговли в Кяхте для всех частных лиц, в том числе и торгующих пушниной. В середине XVIII в. через Кяхту проходило 67 % товарооборота России с азиатскими странами. Товарооборот Кяхтинской торговли за 50

лет, с 1744 г. по 1800 г., увеличился более чем в 14 раз – с 580 тыс. до 8 380 тыс. руб. [5]. Основной статьёй российского экспорта на протяжении всего периода кяхтинской торговли оставалась пушнина – около 85 %. Остальные 15 % экспортной выручки составляли: скот (крупнорогатый, лошади), сырая кожа и кожа для упаковки чая, шкура-мерлушка (выделанная овечья шкура) объём которых доходил до 1,2 млн штук, юфть (выделанная кожа). Из Китая через Кяхту, как и через Нерчинск, ввозились шёлковые и хлопчатобумажные ткани, фарфор, сахар, золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни. На долю чая приходилось 95 % стоимости китайского импорта, физический объём которого составлял до 400 тыс. пудов в год (6 400 т) [6].

Внутренняя торговля на российской территории в северно-восточной части Евразийского континента (ныне Якутия, Магаданская, Сахалинская области, Чукотский автономный округ, Камчатский край) была частично производной от внешней, осуществлялась в форме ярмарок (воскресных, сезонных), торжков, где продавались не только завезённые товары (отечественные, иностранные), но и местные изделия, продукты сельских домохозяйств, лесов, рек, озёр, морей.

Нерчинская и кяхтинская торговля не оказывали сколько-либо существенного влияния на развитие северо-восточной части региона, в силу сложно преодолимой отдалённости. Что же касается южной зоны Дальнего Востока, то эта часть России не принадлежала, поскольку была отторгнута Нерчинским

договором почти на 170 лет. Вместе с тем торговый опыт Нерчинска и Кяхты в сношении с Китаем имел важное значение для русского купечества в организации торговой деятельности во второй половине XIX в. и первой четверти XX в., после подписания Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров, открывших новую страницу в развитии торговли на Дальнем Востоке.

К середине XIX в. Россия, достигнув необходимой экономической и военной весомости в Европе, обретя статус одной из крупных мировых держав, чётко обозначила свои геополитические интересы и претензии на своё место и роль в Тихоокеанском регионе, где в середине пятидесятых годов для неё складывались тревожные и вместе тем обнадеживающие процессы.

Тревожность была обусловлена отголосками Крымской войны (1853–1856 гг.), когда западные военные противники России – Англия и Франция оказались на её тихоокеанских рубежах с агрессивным намерением вытеснить из удобных гаваней, что попытались осуществить на Камчатке в конце августа – начале сентября 1855 г., высадив десант в 500 человек в Авачинской бухте, поддерживая шестью военными кораблями, а в октябре 1855 г. три корабля оказались в бухте Де Кастри. В обоих случаях героическими усилиями русских гарнизонов Петропавловска-на-Камчатке и Де Кастри десантные атаки были отбиты, враги с позором покинули облюбованные ими гавани. *Обнадеженность* складывалась по причине активного освоения русскими

мировых океанов и дальневосточных морей (И.Ф. Крузенштейн, Ю.Ф. Лисянский, М.Н. Лазарев, В.М. Головин, Ф.Н. Литке, Г.И. Невельской), столбившими за Россией тихоокеанские гавани – Императорскую, Ольгу, Находку, Владивосток, Посыет. В этом же направлении развивалась внутренняя ситуация в Китае, ослабленном в ходе двух опиумных войн, навязанных англичанами и французами Цинской империи (1840–1842 гг. и 1856–1860 гг.). Появилась возможность исправления несправедливости при заключении в 1689 г. Нерчинского трактата, когда китайская сторона, в силу нашей слабости, навязала России невыгодные условия – отторжение амурских земель, которые китайцы не осваивали, и эти земли на протяжении 170 лет были практически ничейными.

Противоречия исторического процесса иногда достигают точки «кипения» и разрешаются силовыми способами, а иногда и точки равновесия, когда возникают условия их разрешения другим способом. Такое равновесие тревожности и обнадёженности сложилось на Дальнем Востоке в середине 50-х гг. XIX в., которым воспользовались патриотические силы русского Отечества, во главе которых стоял великий гражданин России Николай Николаевич Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири.

Назначенный на этот государственный пост в 1847 г., он через полтора года высказал императору Николаю I свою глубокую озабоченность относительно судьбы восточных рубежей России: *«Возникло небезопасное предположение, что англичане займут устье Амура.*

Каких тогда потребуется сил и средств от правительства, чтобы Восточная Сибирь не сделалась английскою, когда в устье Амура станет английская крепость и английские пароходы пойдут по Амуру до Нерчинска и даже до Читы» [7]. Становилось ясно, что для защиты восточного побережья Сибири русские должны были овладеть Амуром, ибо только река представляла удобный и единственный путь к побережью из глубины материковой части Восточной России.

Эта задача была блестяще осуществлена 28 мая 1858 г. заключением Н.Н. Муравьевым Айгунского договора, по которому было определено: границе между Китаем и Россией быть по Амуру так, чтобы левый берег до устья принадлежал России, а правый берег до реки Уссури – Китаю. Плавание по этим рекам позволялось только России и Китаю. Айгунский договор был дополнен Пекинским договором в 1860 г., по которому Китай признавал за Россией Уссурийский край, то есть земли между правым (восточным) берегом Уссури и Тихим океаном [8]. Оценивая значение договоров между Россией и Китаем, Ф. Энгельс отмечал, что эти договоры помогли России приобрести «богатейшую территорию между Татарским проливом и озером Байкал – территорию, обладания которой Россия добивалась так настойчиво, что, начиная с царя Алексея Михайловича до Николая, постоянно делала попытки завладеть ею» [9].

Таким образом, в течение 170 лет Приамурье практически было ничейной территорией. Россия, связанная условием

Нерчинского договора (1689), не осуществляла здесь сколько-нибудь серьёзной экономической деятельности. Китай тоже не стремился к созданию хотя бы основ хозяйственной жизни на левом берегу Амура, если не считать украдкой проложенных торговых троп, по которым осуществлялись торговля и прямое воровство китайцами пушнины, драгоценных металлов и камней. Установленные границы в соответствии с Айгунским (1858) и Пекинским (1860) договорами означало, с одной стороны, юридическое и фактическое обретение Россией Дальнего Востока, а с другой – стало сигналом заселения, хозяйственного освоения и закрепления Отечества на берегах Тихого океана. Эти процессы приняли масштабный и интенсивный характер, что в кратчайшие по историческим меркам сроки (35–40 лет) позволило на этой далекой окраине России зародиться базовым отраслям материального производства – земледелию, животноводству, горнорудной, лесной, рыбной отраслям, первичным формам обрабатывающей промышленности, речному и морскому транспорту. Через всю Сибирь и южную часть Дальнего Востока была построена великая железнодорожная магистраль – Транссиб. Строились города – Благовещенск, Николаевск, Хабаровск, Владивосток, крупные поселения по Ленской и Амурской речным системам, побережьям Охотского, Японского, Берингова морей. Городские и сельские поселения наполнялись людской силой, втянутой в хозяйственное, социальное и культурное обустройство. Населённость

Приамурского края (Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская области) к 1894 г. составила, по официальным сведениям, 908 тыс. человек, из которых русское население – 71 %, азиатское 29 % [10].

Выдающуюся роль в хозяйственном и социальном развитии Дальнего Востока сыграла внешняя и внутренняя торговая деятельность русских купцов и предпринимательского сообщества иностранных граждан. Специфика торговой деятельности состояла в том, что в ней органически слились внутренний и внешний оборот, хотя и разделённый статистически. Практически все крупные торговые компании занимались внешней и внутренней торговлей. Организованно и технологически торговый процесс был выстроен как единый. Он начинался покупкой товаров на внешних рынках, а завершался реализацией конечному потребителю на внутренних.

Айгунский договор заложил правовые основы внешней торговли, где вторая статья была согласована российской и китайской сторонами в следующей редакции: «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля, проживающим по рекам Уссури, Амур и Сунгари, подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств». Установление дружеских отношений, пограничная узаконенность, свобода торговой деятельности по речным, морским и сухопутным маршрутам вызвала взрывной характер миграции сибирского, прибайкальского и

забайкальского купечества в южную часть Дальнего Востока. Сюда прибывали и закреплялись и укоренялись потомки нерчинских и кяхтинских купцов, обладающие бесценным опытом предков, личными и профессиональными качествами, сформированными в ходе торговой деятельности. Основателями и ключевыми фигурами дальневосточного купечества по праву являлись: Петр Иванович Кузнецов – красноярский купец 1-й гильдии; Михаил Игнатьевич Чардымов – читинский купец 3-й гильдии; Андрей Федорович Плюснин – купеческий приказчик из Верхнеудинска; Сергей Яковлевич Богданов – крестьянин из Забайкалья; Иннокентий Павлович Пьянков – государственный ссыльный; Иван Яковлевич Чурин – иркутский купец 1-й гильдии; Иноке Эмери (Иннокентий Семенович) – американский подданный; Г.И. Кунст и Г.В. Альберс – немцы российского подданства; Николай Иванович Тифонтай – китаец российского подданства; Такеучи Ичидзу – японский подданный.

Это были купцы от Бога, наделённые такими качествами, как предприимчивость, расторопность, оборотистость, одержимость. Эти люди понимали, что значит святость труда, меценатство, стяжение славы Отечеству. Они не оставили конкретных форм организации торгово-промышленного дела, но оставили образцы служения делу и Отечеству. Они увековечили память о себе не только созданными уникальными торговыми и промышленными объектами, которые служили, служат и будут служить ещё долго жителям

Благовещенска, Владивостока и Хабаровска, украшая их улицы и площади. Они оставили как наказ свои мысли о разумном хозяйствовании. Нерчинский купец 1-й гильдии Михаил Дмитриевич Бутин обращается к нам из XIX в.: «Если вы хотите оставить страну пустынной, бедной и закабалённой, вывозите и вывозите из неё сырье. Но если вы хотите видеть её населённой, цветущей, если вы хотите, чтобы пути её окупались, то поощряйте её местную заводскую промышленность. Развивайте промыслы, земледелие и облегчайте внутренние пути» [11].

Усилиями амурских купцов, под покровительством властей были образованы две торговые компании: Российско-американская (1858–1868) и Амурская компания (1858–1868). Обе компании осуществляли свою деятельность от Сретенска до Николаевска-на-Амуре. Срок их торговой деятельности был короток из-за низкого уровня конкурентоспособности, причинами которой заключались:

- дороговизна русских товаров против иностранных из-за больших затрат на доставку товаров из центральных регионов России;
- русские товары не отвечали потребностям и вкусам аборигенного населения;
- отсутствие отечественного торгового флота;
- отсутствие крупных торговых капиталов и дороговизна кредита в России по сравнению с европейскими, североамериканскими и азиатскими странами [12].

Более долговечной и счастливой оказалась судьба компании «Кунст и Альберс» (1864-1924) со штаб-квартирой во Владивостоке. Густав Кунст – коммерсант из Гамбурга, совершив героический путь из своего родного города через всю Россию, оказался на её восточной окраине – в г. Николаевске-на-Амуре, а затем на пароходе летом 1864 г. добрался до Шанхая. Там он случайно встретился со своим гамбургским земляком и тезкой Густавом Альберсом, служившим на торговом флоте. Оба хорошо знали шумный и многоликий, вечно взбудораженный Шанхай, где Кунст в течение шести лет был владельцем небольшой коммерческой фирмы. Земляки быстро подружились и решили попробовать заняться торговлей во Владивостоке. Под своими фамилиями они создали фирму «Кунст и Альберс». В 1874 г. Альберс пригласил немца Адольфа Даттена, которому оказал полное доверие и в 1879 г. сдал все свои полномочия по управлению фирмой, а в 1881 г. Даттен становится совладельцем фирмы, которая добилась выдающихся результатов и успехов в торговой деятельности на российском Дальнем Востоке, в Китае, Гамбурге.

Торгуя широким ассортиментом качественных немецких товаров, фирма открыла свои магазины, заготовительные структуры практически по всему югу Дальнего Востока. Здесь фирма торговала в розницу импортными товарами, а в

Китае вывозила продукты богатой дальневосточной тайги и морепродукты, заготовленные местным населением и скупленные подразделениями фирмы, которые располагались почти в сорока населённых пунктах. Руководитель фирмы Даттен в 1886 г. принял российское подданство. На протяжении нескольких лет он был членом Владивостокской городской думы, почётным попечителем Восточного института. В январе 1900 г. русский царь присвоил Даттену титул императорского русского коммерческого советника. По поручению правительственного торгового органа Даттен исследовал развитие торговли на Дальнем Востоке и в 1887 г. в Москве опубликовал книгу «Исторический очерк развития приморской торговли» (немецкий журналист Лотар Деег в 2012 г. в издательстве Дальневосточного федерального университета опубликовал книгу «Кунст и Альберс». История немецкого дома на российском Дальнем Востоке (1864–1924 гг.)» в переводе с немецкого Елены Крепак [13]).

Первоначально на Дальнем Востоке сложились три территориальных центра торговли, через которые осуществлялся ввоз и вывоз товаров. Вот как выглядела статистика ввоза по этим трём центрам в тысячах рублей [10].

Таблица 1 – Статистика ввоза товаров по территориальным центрам торговли, в тыс. рублей

	Владивосток	Николаевск	Благовещенск
1877–1879	1 600,0	1 723,0	1 896,0
1892–1893	10 000,0	3 407,0	6 037,0

В первом периоде (1877–1879 гг.) между этими центрами объёмы ввоза были примерно равными, чуть выделялся Благовещенск. Во втором периоде (1892–1893 гг.) лидировал Владивосток, объём ввоза которого составил 51,2 %, Николаевск – 17,6 %, Благовещенск – 31,1 % общего объёма ввоза. Николаевск стал заметно отставать. Общая стоимость ввоза за 14 лет увеличилась в 3,7 раза (с 5 219 до 19 434 тыс. руб.). Импорт товаров осуществлялся в основном из Китая морским транспортом (Владивосток, Николаевск) и речным (Благовещенск). Время в пути было несравнимо с временем доставки товаров морским и сухопутным путями из центральной

Таблица 2 – Доставка грузов на Дальний Восток, в днях

	Морскими путями	Сухопутными путями	Выигрыш в днях
Владивосток	63–75	320	245–255
Николаевск	75–105	395	200–230
Хабаровск	92–122	297	175–205
Благовещенск	102–132	290	158–188

Специфика внутренней торговли на Дальнем Востоке определялась такими факторами, как состав потребителей, среди которых выделялись военные, госслужащие, рабочие фабрик и заводов, формирующаяся интеллигенция; относительно прогнозируемый спрос,

России. Китайские товары по признаку затрат на транспортировку обладали несомненно высокой конкурентоспособностью против отечественных.

Уже на начальном этапе дальневосточным купцам стало очевидно преимущество завоза китайских товаров, в силу близости их рынков, удобных и дешёвых вводных путей доставки. Руководитель компании «Кунст и Альберс» Адольф Васильевич Даттен даёт в своей книге «Исторический очерк развития приамурской торговли» следующую таблицу затрат времени доставки грузов, где за исходный пункт принимается Москва [10].

который обеспечивался своевременным и относительно стабильным денежным доходом; относительная доступность природных пищевых продуктов (ягоды, грибы, рыба, охотничий промысел); своеобразность потребительских предпочтений и потребительского

поведения аборигенного населения; воздействие на дальневосточных предпринимателей иностранных купцов с их духом свободного предпринимательства, конкуренции, жаждой наживы.

Вся эта специфика позитивно воздействовала на развитие торговли, придавая ей динамичность, быструю приспособляемость к изменяющейся среде, вовлекая в торговый бизнес новые поколения активных, расчётливых людей, стяжающих выгоду и общественное признание, о чём свидетельствуют следующие показатели:

- к 1913 г. на Дальнем Востоке сложились два крупных центра торговли – приморский и амурский;
- количество торговых заведений приморского центра оставило 4 636 единиц;
- количество торговых заведений амурского центра достигло 1 600 единиц;
- общее количество торговых заведений – 6 236 единиц;
- общий торговый оборот равнялся 57,2 млн руб., из которых на приморский центр приходилось 46,7 млн руб. (70 %), на Амурский – 10,5 млн руб. (30 %) [13].

Таким образом, дальневосточная торговля, зародившись в виде простейших меновых отношений, трансформировалась в конце XVII в. в караванную нерчинскую и кяхтинскую, а после заключения Айгунского договора

приняла характер систематического обмена на основе национальных валют. Дальневосточная торговля имела на первоначальных этапах свою специфику интеграции внешнего и внутреннего оборота в единый торговый оборот, который осуществлялся, главным образом, крупным торговым капиталом. Торговое сословие – купечество на первом этапе прибыло на Дальний Восток в «готовом виде» из Сибири и Забайкалья, представляющего собой когорту потомков нерчинских и кяхтинских купцов. В составе дальневосточного купечества активное предпринимательство вели немцы, китайцы, японцы, американцы, образуя вместе с русскими купцами своеобразный «предпринимательский интернационал».

За исторической дальностью и отсутствием надёжных источников мы не в состоянии оценить обеспеченность населения региона продовольственными и непродовольственными товарами, степень их доступности и качество обслуживания. Однако не может быть никаких сомнений в том, что торговля сыграла положительную роль в хозяйственном, социальном и культурном развитии дальневосточной окраины России.

Список использованных источников

1 Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 481.

2 Мясников А. А. Золотая летопись России / А. А. Мясников. СПб. : Александр Принт, 2008.

3 Словцов П. А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П. А. Словцов. М. : Вече, 2006. С. 168.

4 Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII века) / В. А. Александров.

5 <http://ru.wikipedia.org/wiki> / История кяхтинской торговли (дата обращения 03.03.2017).

6 <http://ru.wikipedia.org/wiki> / История кяхтинской торговли (дата обращения 03.03.2017).

7 Барсуков И. А. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский / И. А. Барсуков. Хабаровск, 1999. С. 206.

8 Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Сов. Энциклопедия, 1969. Т. 1. С. 303.

9 Энгельс Ф. Договор между Китаем и Британией // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 604.

10 Даттен А. В. Исторический очерк развития приморской торговли / А. В. Даттен. М. : 1897. С. 88.

11 Бурилова М. И. Хабаровск купеческий в фотографиях и документах / М. И. Бурилова. Хабаровск 1999. С. 6.

12 Меркулов С. Д. Русская торговля на Дальнем Востоке и её будущее / С. Д. Меркулов. СПб., 1913. С. 9–11.

13 Дербер П. Я. Очерки хозяйственной жизни Дальнего Востока / П. Я. Дербер, М. Л. Шер. М. – Л. : Госиздат, 1927. С. 259.